

5.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Журнал научный, литературный
и политический

/Америка в России/

Москва, 1882.

Супрематизм, кн. X

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ *).

XIV. Поѣздка въ Усты. — Шахты и дудни.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ угольковъ этого края — Усты, отсюда на здѣшніе заводы везутъ руду.

На другой день по возвращеніи изъ Песочнаго мы должны были ѣхать туда на шахты.

Людиновское озеро все зыблется и мерцаетъ подъ теплымъ солнцемъ. Опущенныя свѣжею зеленью, молчалива деревья пристально глядятъ въ его воды. Дальніе лѣса противоположнаго берега, проливы между ними, бѣлые домики слободы — все это ушло въ солнечный блескъ и словно таетъ въ его золотистой дымкѣ. Темными точками на недвижномъ просторѣ озера мерещутся челны и болозовы. Спокойствіе пейзажа ни съ чѣмъ несравнимое. У берега на пароходѣ спятъ рабочіе. Одинъ на носу свернулся калачикомъ, другой на каютѣ раскинулся и точно нѣтъ ему никакого дѣла до солнца, которое румянитъ ему носъ и слѣпнитъ полузакрытые глаза. Вонъ третій выползъ изъ каюты, — позѣвалъ, позѣвалъ, прищурился на полную тепла и свѣта даль, и опять въ каюту — спать... Майскій жукъ проплылъ въ недвижномъ воздухѣ. У крыльца стоитъ дежурка, лошадь наклонила голову и дремлетъ... Дремлетъ и гучерьъ, завертѣвъ вожжи на руку... Откуда-то издали слышится чье-то порывистое пыхтѣніе, точно кто-то во что бы то ни стало хочетъ изъ послѣднихъ силъ добѣжать до какой-то невозможной цѣли...

— Что это у васъ?

— Да, вишь, сохонудъ (сохонуть) дѣйствуетъ.

Паровикъ, бѣгущій по дорогѣ безъ рельсовъ, забѣжалъ во дворъ дома, выбросилъ дрова, повернулся и назадъ стремится куда-то.

*) Русская Мысль, кн. VIII.

— Чудесно опять запустеть такъ-то. И человека не видать на сѣхъ, точно однимъ паромъ...

Мой спутникъ зашелъ ко мнѣ.

— Готовы?

— Давно.

Ну, и съ Богомъ, — можемъ отправиться.

Маленькіе локомотивы бѣгутъ по безчисленнымъ рельсамъ разныхъ дорогъ. Во все стороны двигаются платформы съ грузами. На однихъ рыжи массы руды везутъ, на другихъ — сѣрые шлаки. Дѣло кипитъ неустанно. Нашъ поѣздъ тоже стоитъ, дожидается.

— Вы въ Устахъ не забудьте заглянуть въ казенную шахту.

— Развѣ есть такая?

— Итъ, мы дудки государственныхъ крестьянъ такъ и зываемъ.

— Это еще что за дудки?

— Увидите.

И до сихъ поръ приходилось слышать — руда изъ дудокъ, пески изъ дудокъ. Меня это очень заинтересовало.

Когда нашъ микроскопическій поѣздъ выбѣжалъ изъ лѣсу, направо и налево потянулись поля, хорошо воздѣланныя и удобренныя шлаками. Пока здѣсь приуезжалъ употребить въ дѣло эти нигуда прежде негодившіеся продукты домашняго производства, было не мало комическихъ случаевъ. На первый разъ пригласили священника отслужить молебенъ. Тотъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ — и напунулъ.

— Чего вы это Божью землю портите?

Управляющій расхохотался.

Пришло время урожая. Приѣзжаетъ священникъ.

— Ну-ка, батюшка, поѣдемъ.

— Куда?

— Да на порченную землю, на цивы.

Стали осматривать ихъ — жатва превосходная.

— Невозможно!

И поѣздъ самъ поѣлъ, завозился въ землѣ. Шлаки есть — точно.

— Ну?

— Во истину — чудеса!... И камни поѣдали славу Божию.

Зарянокъ просто открывался: шлаки богаты сѣрой, известью, золой, фосфоромъ, фосфорною кислотой; все это они возвращаютъ истощенной землѣ. Сверхъ того, для тяжелыхъ почвъ

они корони тѣмъ, что разрыхляютъ ихъ, стерываютъ влажнѣе дождемъ и воздуха. Таково, наиримѣръ, ихъ дѣйствіе на глинистыя пространства. На здѣшнихъ образцовыхъ фермахъ съ участна, на которой выстлана одна четверть и двѣ шѣры хлѣба, собираютъ шестнадцать четвертей его. Десятина даетъ 30 копенъ съ десяти шѣръ посѣва. Ямень хуже, — тотъ на четырнадцать шѣръ приноситъ только 25 копенъ. Безъ шлаковъ, безъ удобренія и такіе средніе урожаи здѣсь были бы невозможны.

Веселый молодятникъ вѣжвою весеннею зеленою трепеталъ подь солнцемъ и теплымъ вѣтромъ, когда мы проѣзжали мимо. Изрѣдка изъ его мягкой чащи подымалось старое дерево, далеко въ высоту простирая свои, точно поднятыя для благословенія, вѣтви. Направо по зеленой низинѣ, словно синія облака, мерещутся маленькія рощицы. Вонъ село Буканъ; изъ за деревьевъ высоко возвысится колокольня ея церкви.

— Плохо здѣсь крестьянству пришлось, было! — сообщаетъ мнѣ мой спутникъ.

— Почему?

— Еще въ мартѣ у самыхъ исправныхъ козневъ кормы скоту окончились, — заводитъ онъ общую здѣсь пѣсню. — Стали выгонять скотину на снѣгъ, она и выѣдала остатки прошлаго года. А у другой силы разбить снѣгъ не было, такъ и жолѣла сердечная. Что вою по деревнямъ было!

— Что это за ферма? — указываю я на маленькія зданія, видимо владѣльчскія, въ сторонѣ.

— Это наша славянская ферма. Она намъ 5.000 рублей чистаго дохода дастъ. Тутъ заведено трехпольное хозяйство. Работаетъ человекъ двадцать пять, иногда и наемнаты еще приходится.

— Подевно?

— Нѣтъ, на подесятинны, на десятину... Платить такъ, что за посѣвъ и за жатву придется ему 6 руб. 40 коп. И такъ въ аренду отдаемъ земли: своимъ по 1 руб. 50 к. За десятину, а чужимъ отъ 2 руб. 85 к. до 4 руб., — съ торговъ уже. Цѣны разныя. За другую десятину и по 5 р. 70 к. платять. Скоти держимъ здѣсь головъ сто рогатаго, да лошадей двадцать. Иногда, впрочемъ, случается, что на ферму для коровъ пригоняютъ еще вѣсколько сотъ головъ скота.

— Откуда?

— А крестьянство. Борнить имъ нечѣмъ до весны, — ну, они и просятъ поддержать до первой травы. Мы не отказываемъ, когда у самихъ сѣна достаточно запасено.

— Что же, ферма получаетъ за это что-нибудь?

— Ни гроша! Это, вѣдь, для поддержки крестьянскихъ хозяйствъ дѣлается, — что-жъ тутъ выгадывать!

Поѣздъ нашъ идетъ мимо цѣлыхъ горъ бѣлаго песку, употребляемаго для стебля, мимо длинныхъ валовъ ссыпанной здѣсь желѣзной руды. Изъ-за нихъ, изъ-за этихъ горъ и валовъ, совсемъ не замѣтно станціи Шахта и она неожиданно вырастаетъ передъ нами въ самомъ центрѣ этихъ богатыхъ складовъ всякаго сырья, которое отсюда доставляется въ гуты, заводы, въ домны и другія промышленныя заведенія этой Жиздринской Америки.

Кругомъ все засыпано углемъ. Прямо передъ нами бурятъ землю; три года уже продолжается здѣсь разыскиваніе пластовъ каменнаго угля. Думаютъ, что онъ долженъ лежать на 62 — 96 аршинъ глубины. До сихъ поръ добыли только угольную муку оттуда, хотя сорокъ восемь аршинъ уже пройдено. Черный колодезь прямо внизъ ведетъ, въ самыя нѣдра земли. Паровая машина и локомотивъ неустанно работаютъ надъ нимъ. Два насоса: одинъ давящій, другой высасывающій — не знаютъ отдыха. Тамъ внизу, въ этой черной тьмѣ, при свѣтѣ тусклыхъ лампочекъ, работаетъ народъ подъ цѣлыми громадами нависшей надъ ними земли. Слышно, какъ вода просачивается туда безчисленными жилами. Каждый часъ отливная машина выбрасываетъ ея до 2.000 ведеръ, а она все льетъ да льетъ со всѣхъ сторонъ, точно желая сохранить на вѣки вѣчныя этихъ жалкихъ гномовъ, дорывающихся до лежавшихъ тысячи лѣтъ и никому невѣдомыхъ сокровищъ. А гномы эти работаютъ въ три смѣны, каждая въ четыре человѣка. За двадцать четыре рабочихъ дня мастера изъ нихъ наверху получаютъ 18 р., причемъ за каждый лишній день ему отсчитывается по 75 к.; подмастерья — 15 руб. и за лишній день — 60 к. Они на полномъ хозяйскомъ содержаніи. За работу внизу, въ вѣчномъ мракѣ этихъ подземныхъ галлерей, плата гораздо выше: два штейгера за тѣ же двадцать четыре дня получаютъ на хозяйскомъ содержаніи отъ 30 — 50 рублей каждый.

Всѣхъ буровыхъ скважинъ здѣсь заложено четыре. До угля дошли только въ двухъ изъ нихъ, затѣмъ буры сломались. Механическимъ путемъ вести дѣло оказалось трудно, — обратились

къ ручной силѣ, которая, разумѣется, обходится дороже. Больше всего возни съ подземными плавучими породами, которыми то и дѣло выпираетъ вверху, причѣмъ уровень шахты вверху опускается все ниже и ниже.

Сверху внизъ идетъ труба, въ которую разговариваютъ съ рабочими.

Я приложилъ ухо: оттуда слышался гулъ, неясный стукъ какой-то, порою прерывавшійся журчаніемъ воды. Изрѣдка доносились отдѣльные голоса. Базалось, что тамъ, въ глубинѣ этой влажной и черной земли, сказочные гномы дѣлаютъ свое вѣчное дѣло, собирая въ недоступныхъ подземныхъ нещерахъ таинственныхъ сокровища, до которыхъ никогда не суждено коснуться рукъ человѣка. Обманутое иллюзіей ухо начинало различать стукъ молотовъ, которыми эти легендарные карлы отбиваютъ золотые самородки отъ плотно, отовсюду, захватившихъ ихъ камней, раскалываютъ утесы, чтобы въ глубинѣ ихъ стереть алмазные жилы... Дѣйствительность, впрочемъ, оказывалась сказочнѣе всякой сказки. На Уралѣ я опускался въ подобныя же шахты и всегда выходилъ оттуда полный удивленія къ неукротимой энергій труженниковъ, словно черви пронизавшихъ, казавшихся недоступными, недра земли, чтобы изъ ихъ таинственнаго мрака вынести на свѣтъ Божій невиданныя богатства!... Помню я этихъ одинокихъ работниковъ, которые цѣлые дни кайломъ и кирками отбиваютъ у неподвижнаго подземнаго царства желѣзо и мѣдь, слыша только шорохъ осыпающихся породъ и чувствуя надъ собою цѣлыя горы каменныхъ массъ, которыми стоитъ только чуть-чуть сдвинуться, чтобы навсегда похоронить въ тяжеломъ мракѣ подземныхъ галлерей смѣлаго труженника... Часто рисовало мнѣ воображеніе, какія минуты долженъ переживать онъ въ своей внезапно запертой такимъ образомъ каменной ячейкѣ... Лампочка его мало-по-малу гаснетъ.. Помощи ждать не откуда... Сверху все больше сдвигаются и давятъ его каменные породы... Дышать становится нечѣмъ и вѣчный мракъ охватываетъ отовсюду... Живо схороненный...

Честь и слава энергій человѣка, преодолевающаго все и не знающаго передъ собой никакихъ препятствій!

Отсюда выносятся глубокое уваженіе къ труду безграмотнаго рабочаго. Гигантомъ онъ вырастаетъ передъ вами.

Кучи лягнита сложены во дворѣ. Все это изъ другихъ шахтъ. Въ немъ до 25% золы. Мягкій, онъ rozpoзается подъ пальцами.

— Куда его?— презрительно смотрит рабочий на эти черные горы.— Нашь лучше.

— Какой нашь?

— У насъ здѣсь антрацитъ добывается. Тотъ—ничего.

— Антрацитъ вѣрно?

— Во-во, онъ самый! А подь нимъ стеклажь лежить.

— Это еще что такое?

— Тоже уголь, только онъ какъ стекло блеститъ, покуда свѣжий, а какъ постоитъ на воздухѣ—тусхнетъ живо. А еще мыше—это самая жмака и есть,—махнулъ онъ на угольную пыль, цѣлыми грудями заполонившую дворъ.— Если бы не плывунъ, мы бы уже далеко прошли. Съ плывуномъ только совладать трудно.

Плывунъ состоитъ изъ песку и воды. Три слоя они уже прошли здѣсь. Между ними—залежи глины.

— Теперь будемъ брѣши ставить. Ничего не подѣлаешь... Последний слой песку-то, который мы идемъ, сказываютъ, пятнадцать аршинъ въ толщину-то. Девять мы уже прошли.

Нѣсколько зданій оболо, совсѣмъ новыхъ, покосилось. Одно подперто балками. Нужно прибавить, всѣ они выстроены прочно, изъ превосходнаго лѣса.

— Что это?

— Бури сваливаютъ. Вонъ, напримѣръ, сарай для паровозовъ,—онъ какъ побачнулся

— Да позвольте, вѣдь мы не въ центральной Америкѣ!

— Тутъ бываютъ такія грозы! Вы знаете, что въ казенныхъ лѣсахъ Раменской дачи повалило 500 десятинъ столѣтнихъ старыхъ деревьевъ. Вотъ какія бури здѣсь!... Это, вотъ, въ октябрѣ восьмидесятаго года у насъ бушевало. Пропастъ убытковъ понесли мы...

Мы переходимъ къ складамъ руды.

Вотъ руда Лабунскаго, доставленная сюда на платформы. Она грязна, плохо обработана. Завѣдующій Устами г. Зайцевъ устроилъ ей промывку. Она дала однихъ пустыхъ породъ 49%, а самая худшая мальцовская дала 43%. Въ общемъ всѣ онѣ приносятъ желѣза 50%. Часто въ оболочкахъ руды встрѣчаются иныя углекислаго желѣза. Самые бѣдные по содержанию металла руды даютъ здѣсь 20—30% его. Эти сферосибериты неохотно берутъ для плавки съ флюсами. Лучшимъ сортомъ руды является вострянинская, такъ-называемая «казенная». Здѣсь за нее пла-

тять по пяти коп. съ пуда. Мѣстный обычай установилъ оригинальный порядокъ: платять за руду не по качеству ея, а по мѣсту, откуда взята, и по разстоянiямъ. Руда Дабунскаго хуше — за нее по 6—7 коп. идетъ, потому что везуть ее за двѣнадцать верстъ, а эта «корсинная» государственныя престыанъ доставляется только за четыре.

Наконецъ здѣсь мнѣ пришлось узнать, что такое «дудка».

Мы проходили по мѣстности, гдѣ то и дѣло встрѣчались точно обвалившiеся колодцы. Какія-то ямы, видное дѣло, — съ боковъ осмалась земля и покрыва отверстiя глубокаго пробуравленной земли.

— Это — старыя, выработанныя, дудки, — объяснили мнѣ.

— А новыя?

— Вотъ сейчасъ.

Сдѣлали еще нѣсколько шаговъ.

— Видите?

— Что такое?

— Дыра въ землѣ.

— Вижу.

Въ землѣ дѣйствительно было отверстiе въ три четверти аршина діаметромъ. Я заглянулъ тудъ. Черная дыра вертикальною жилой, казалось, уходила глубоко въ землю.

— Вотъ это дудка и есть.

Дѣйствительно, дудка — въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Да какъ же въ ней работать?

— Очень просто. Пророютъ въ землѣ такую отвѣсную нору, доберутся до руды и тамъ уже подземными жилами добываютъ ее наружу.

Брѣней не ставятъ, а работаютъ, пока дудка не начнетъ обваливаться: тогда роютъ новую. Очевидно, здѣсь не безъ участiя Провидѣнiя, потому что до сихъ поръ не было случая, чтобъ осыпи хорошили кого-нибудь подъ собою. Трудъ этотъ, впрочемъ, большею частiю зимнiй. Весною, когда начинается таять, подземныя кроты-рудокопы вылѣзаютъ вонъ. Лѣтомъ работаютъ, но очень неохотно. Роются подъ землей, при помощи какого-то особеннаго мистинкта стараются не попасть на старую дудку, потому что въ ея пустотахъ скопляется вода, которая можетъ сплоснъ залить ихъ вмѣстѣ съ первобытною этою норой. Дорывшись до руды, внизу, во мракѣ, они бокаются во всѣ стороны — жилами, ползая чуть не на четверенькахъ. Подперевъ въ этихъ жилахъ,

навозиняющихъ червяные ходы въ яблони, ставятъ тогда только, когда пласть особенно богатъ и стонть того. Чаше на-авось!

— Какъ глубоки эти дудки?

— Разныя... Трудно сказать.

Та, въ которую спустился я, шла внизъ аршинъ на одиннадцать. Сошествіе мое отъ яркаго теплаго весенняго дня въ сырой и холодный мракъ этой дудки совершалось на канатъ. Нора на столько узка, что еслибы канатъ и оборвался, то можно было бы удержаться въ этой трубѣ плечами. Вставляешь ногу въ петлю каната, сверху развиваютъ воротъ и, спустя минуту, вась охватываетъ влажный сумракъ. Отверстіе вверху кажется едва-едва замѣтнымъ. Внизу, еслибы не свѣчи или лампочки, можно было бы живому испытать всѣ ощущенія заживо похороненнаго. Просочившаяся съвозъ почву вода сбѣгаетъ внизъ съ какимъ-то злобѣщимъ урчаніемъ. Гдѣ-то изъ боковой, еще болѣе узкой, жилы слышится шорохъ, тоже не особенно ободрительно дѣйствующій на душу. Соображаешь, что это земля осыпается въ жилѣ, какъ бы она не похоронила тамъ какого-нибудь безпечнаго рабочаго. Внизу нога попадаетъ въ воду, тускло поблескивающую подъ скуднымъ свѣтомъ едва мигающаго огонька, тускло и робко мигающаго, словно и ему страшно, — точно подъ впечатлѣніемъ этого мрака, подъ тяжестью этой массы земли надъ нимъ и онъ хочетъ закрыть свое блѣдное око, погрузивъ червивый ходъ рудника въ еще болѣе тяжелую, безпросвѣтную тьму.

Прежде вся эта мѣстность изобиловала водою, никакихъ гидравлическихъ работъ не знали крестьяне и копались чуть не по поясъ въ холодной влагѣ. Мальцовъ устроилъ имъ канавы для стока, а по дну продолжилъ штольни, которыя съ тѣхъ поръ значительно обсохли. Крестьяне теперь, какъ только вода въ дудкахъ начинаетъ подниматься, сейчасъ же бросаютъ ихъ. Рѣдкіе выливаютъ ее вонъ патриархальнымъ способомъ — кадками. На сто дудокъ не болѣе одной работаетъ съ водою, извлекаемою такимъ остроумнымъ способомъ.

— Какъ же къ этимъ узкимъ дудкамъ и работать, и воду вычерпывать?

— Они роятся двумя дудками рядомъ и соединяютъ ихъ подземною порою. Изъ одной воду выкачиваютъ, а изъ другой руду достаютъ.

Въ пной дудкѣ работаютъ не болѣе недѣли, тотчасъ же ее брося. Такимъ образомъ, на землѣ государственныхъ крестьянъ

руды пропадаетъ много, и иногда самая обильная по содержанию желѣза остается невыработанной. Изъ хорошихъ дудокъ случилось—въ видѣ исключенія разумѣется—двумъ вратамъ добыть 300 пуд. руды въ день; обыкновенно же извлекается оттуда 100 пуд., причемъ въ Устахъ за каждый пудъ уплачивается имъ по 2½ коп., такъ какъ никакого разстоянія тутъ не оказывается. Теперь, впрочемъ, по-двое уже мало работаютъ. Въ началѣ двухъ еще довольно: одинъ точитъ нору, а другой вытаскиваетъ воротомъ кадки съ землей или пустою породой. Но когда дорылись до руды и открыли такъ-называемый дворъ, т. е. жилы, откуда ее начать выработывать, тогда является третій. Онъ вверху дѣйствуетъ у ворота, второй внизу роетъ и откалываетъ руду, а послѣдній укладываетъ ее въ кадки, которыя доставляетъ подъ воротомъ къ канатамъ. Вся работа совершается въ злобѣщей тишинѣ. Только слышится скрипъ ворота сверху да урчаніе воды въ колодезь...

Старыя обвалившіяся дудки тоже не бросаютъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онѣ осыпятся совсѣмъ и земля осядетъ, — крестьяне опять роются въ томъ же районѣ, то-есть между четырьмя старыми дудками въ точкѣ встрѣчи проведенныхъ между ними діагоналей, что и называется — на кресту. Когда я проходилъ по этой мѣстности, полной старыхъ осыпавшихся дудокъ, еще кое-гдѣ зиявшихъ черными отверстиями, — мнѣ казалось, что ихъ нарыли какіе-то колоссальные сурки. Вотъ, вотъ выскочить одинъ на дорогу и сейчасъ же опять юркнетъ въ свою подземную жилу... Но вмѣсто нихъ изъ рѣдкихъ норъ выскакивали, словно слѣпнушіе отъ свѣта, рабочіе, отряхивали съ себя влажные комья земли и старались поскорѣе надышаться благоуханіемъ воздуха. Зеленые лица быстро принимали здоровый цвѣтъ, согнувшіеся хребты расправлялись.

У Жаворонки уже купались въ чистомъ, тепломъ воздухѣ, серебряными колокольчиками звеня въ высотѣ... Все время они поютъ надъ дудками, точно приглашая угрюмыхъ рудокоповъ выйти изъ своего мрака на вольную волю, на свѣтъ и просторъ роскошнаго, яснаго дня.

XV. Буда Мальцовская и Буда Песочная.

Когда-то весь этотъ округъ принадлежалъ календарному Брюсу. Теперь мы проѣзжаемъ по владѣніямъ этого великаго мага и волшебника. Большія села попадаютъ по пути, по скатамъ

долмовъ, по лощинамъ у быстро бѣгущихъ рѣчекъ. Роши — остатки великолѣпныхъ лѣсовъ — поближе къ водѣ вытягиваются, точно жутко имъ въ этомъ безлѣсномъ просторѣ. Въ синей дали красивѣе и красивѣе кажется вся эта мѣстность. Вонъ рѣка Песчаная завилась прихотливыми излучинами, жалкая деревушка Хохилевка сбилась около, вся покачнувшаяся, вся точно раздавленная насъвось прогнившими соломенными кровлями. Бѣднота такъ и сбвозить изъ всѣхъ угловъ ея. Ни скота около, ни обработанныхъ полей... Какіе-то чахлаые люди тонуть по улицамъ, обратившимся въ сплошную болотину, тонуть въ ней и избы сами. Дерзкая картина народной нищеты скоро осталась далеко позади. Взглядъ отдыхаетъ на прелестной долиноѣ, по которой вьется свѣтловодная рѣка Жиздра. Свѣжая зелень пышными облаками круглится надъ нею, жаворонки съ утра завели свои весеннія пѣсни, и чѣмъ выше подымается солнце, тѣмъ громче становятся эти пѣсни, точно каждое новое мгновеніе этого яснаго дня рождаетъ новые и новые рои звонкихъ птицъ... Останавливаемся на нѣсколько минутъ.

— Видѣли вы наши обременѣлости? — спрашиваетъ меня хозяинъ дома.

— Нѣтъ.

Мнѣ показываютъ громадный зубъ какого-то допотопнаго травянистаго.

— Это здѣсь нашли?

— Да.

Опять дорога, опять красивыя окрестности. Вонъ березовый лѣсъ... Сорокъ лѣтъ уже, какъ поднялся онъ здѣсь, а смотреть не совсѣмъ весело.

— Это большой лѣсъ, — замѣчаетъ крестьянинъ, — сѣтовый!

— То-есть что это значитъ — сѣтовый?

— Воздреватый, рыхлый, — объясняютъ мнѣ.

По всему пути видны оставленные и разработанные дудки. Мимо нихъ мы доѣзжаемъ до превосходно обстроеннаго села — «Буда Мальцовская». Кирпичные домики чистенькіе и уютные. Весело смотреть на нихъ, особенно оставивъ за спиною разоренную деревушку Хохилевку. Ничего общаго, хотя обѣ въ одномъ и томъ же районѣ.

Тутъ разработка руды дудками идетъ еще упорнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Верхній слой пустыхъ породъ не глубокъ, добыча руды легче, чѣмъ въ Устахъ. Другихъ крестьяне будяне

къ себѣ не пускаютъ, стойко держатся за свою землю. Отсюда ужь дудками добываютъ и уголь. Около Буда—двѣ шахты для его разработки. Часть поля первой шахты уже истощена, антрацитъ весь вынуть, теперь готовится вторая, въ которой въ этомъ году лѣтомъ должны быть начаты работы. Шахта уже готова, но еще затоплена водою. Чтобъ освободить ее отъ воды, къ ней проводится отливная штольня. Колодезь для шахты очень глубокъ; снизу изъ ложины копаются къ нему эта отливная штольня черною, страшною жилой. Жила эта сначала идетъ перпендикулярно внизъ и потомъ уже горизонтально сверлится навстрѣчу шахты. Миѣ кажется, въ этихъ ходахъ подземныхъ могутъ подолгу оставаться только дождевые черви. А между тѣмъ въ то время, какъ мы сверху наклонялись надъ этимъ колодеземъ, изъ его черной тьмы, съ самаго низу, доносится къ намъ веселая пѣсня, — пѣсня изъ подземной скважины. На меня она произвела такое же впечатлѣніе, какое произвель бы внезапно зашѣвшій въ своемъ тѣсномъ гробу мертвецъ...

Удивительно, при какихъ условіяхъ люди ухитряются быть веселыми. Подумаешь, на него, вѣрно, не дѣйствуетъ эта убійственная обстановка.

Пѣвецъ не долго работалъ внизу. Ему опустили канатъ. Онъ какъ обезьяна уцѣпился за него и сталъ подыматься. Пѣсня становилась все громче да громче, пока самъ пѣвецъ не показался надъ черною дырой этого колодца, — всклокоченный, весь въ грязи, но веселый и, по-своему, счастливый.

— Экъ ты, братъ, распѣлся!

— Съ пѣсней-то лучше дѣло спорится. Оно и не заметишь, какъ работу-то кончишь... Безъ пѣсни намъ бы пропасть надо!

— Много ли васъ тамъ работаетъ?

— Два наверху, да два внизу. Мы чередуемся, чтобы никому завидно не было. А потомъ другая смѣна, тоже четверо.

Обязывается, что плата имъ, по здѣшнимъ условіямъ, идетъ очень хорошая. Они выработываютъ по 30 рублей въ мѣсяцъ каждый.

— Намъ жить можно. Мы живемъ — слава-те Господи — чудесно!

— Далеко ли до угля дорываться приходится?

— Нѣ... Здѣсь уголь близко... У насъ такъ: чѣмъ мѣсто выше, тѣмъ уголь ниже, а чѣмъ мѣсто ниже, тѣмъ уголь ближе къ намъ. На низинахъ его работать легко.

Толщина здѣшняго угольнаго слоя колеблется отъ пяти четвертей до двухъ аршинъ.

Въ дудкахъ угольныхъ крестьяне уже работаютъ осторожнѣе, подпоры ставятъ чаще и гребче. Здѣсь дольше приходится оставаться на одномъ мѣстѣ и выбирать гораздо больше, чѣмъ на рудничныхъ мѣстахъ. Изъ дудки трое рабочихъ выберутъ въ день болѣе 350, а то и всѣ 400 пудовъ. Заводъ за каждый пудъ, принятый имъ, платитъ по двѣ копейки, но не вся выработанная масса можетъ быть сдана приемщику. Ее нужно еще просѣять, причемъ половина пропадетъ на мелочь. Такимъ образомъ, считая, что одинъ день они просѣваютъ, а другой день возятся въ рудникахъ, обажется, что больше 75 коп. на человека, при этомъ трудѣ, никакъ не придется. Очищаютъ они уголь внизу, въ дудкахъ, а желѣзо очищаютъ, напротивъ, наверху. Вся земля здѣсь пронизана старыми дудками, почему и почва по всей мѣстности нѣсколько осѣла. Проходя мимо черныхъ дыръ и заглядывая туда, мы то и дѣло видѣли, какъ въ глубинѣ, во мракѣ, поблескиваетъ одинокая лампочка, точно свѣтлякъ забрался въ узкій колодезь и свѣтится тамъ робкимъ, фосфорическимъ огонькомъ.

— Живы ли?! — крикнулъ въ одну такую дудку мой спутникъ.

Оттуда послышалась столь энергичная фраза, что сомнѣваться въ отсутствіи жизни тамъ было невозможно.

— Ты что-жь ругаешься?

— А чего-жь мнѣ не ругаться! — едва-едва донеслось оттуда.

— Ты знай съ кѣмъ говоришь!

— Наплевать! Много васъ, чертей, шляется.

— Антошка! — крикнули ему, — да это — господа.

— Мы знаемъ, какіе господа! Изъ нашихъ чистолюевъ должно-быть.

А тамъ и пѣсня послышалась изъ-подъ земли, на зло ея мраку, ея сырости.

Отсюда до Буды Песочной не далеко.

Тамъ разрабатывается уже не руда и не уголь, а бѣлая глина для огнеупорныхъ кирпичей и бѣлый песокъ, необходимый для стекла. Старыя дудки тутъ водою залились доверху, у самыхъ отверстій ихъ выросли кусты и глядятся въ неподвижную влагу. Птицы всякой здѣсь до пропасти, и не пуганая, не особенно бѣжить отъ человѣка, — понимаетъ, что ему не до нея совсѣмъ.

Первая шахта здѣсь идетъ на 22 аршина въ глубину. Песку найдено уже семь аршинъ, а на сколько еще внизъ идетъ эта толща—неизвѣстно. Работаютъ артелями, по семи человѣкъ каждая; за тысячу нудовъ имъ платятъ по 10 руб., причемъ эту тысячу нудовъ нужно выработать день или полтора. Работа оказывается выгодной и населеніе идетъ на нее съ особенною охотой.

— Что, вода не заливаетъ васъ тамъ?

— У насъ вода сверху есть, а внизу нѣтъ.

— Начнемъ работать, вода дальше пойдетъ; вся она въ песокъ схоронится, не видать ее.

— Наша работа сухая. Не дай Богъ—съ рудой да съ углемъ... Наша чистая...

Бѣлые горбы и валы песку тянутся по всѣмъ направленіямъ. Его уже выработали и приготовили для обмѣра. Вотъ нѣсколько человѣкъ роютъ землю. Управляющій подошелъ къ нимъ.

— Что вы это, братцы?

— Да новую дудку рою, — старая плоха стала. Песокъ желтый совсѣмъ пошелъ.

— Они страсть какъ на эту работу идутъ.

И дѣйствительно, партіи рабочихъ то и дѣло подходили къ управляющему.

— Дозвольте изъ старыхъ дудокъ работать... Что-жь даромъ-то...

— И безъ того много уже выработали песку. Довольно. Намъ больше не надо.

— Почему они на старыя шахты просятся?

— Боятся, что не выстоятъ, развалится; такъ благо ходъ есть, поскорѣй ее выработать торопятъ.

— Осенью, осенью, ребята! — успокоиваетъ онъ.

— Не простоятъ до осени-то... Гдѣ ей... Песокъ-то ужъ очень хорошій, песку жалко какъ! Опять же и хлѣба нѣтъ, годъ голодный...

Часть работъ тутъ приостановилась, потому что требованій на товаръ нѣтъ вовсе. Это было въ 1881 г., а въ этомъ дѣлѣ вѣрно еще тяжелѣе. Еврейскіе беспорядки страшно отразились на заводахъ. Заготовленная масса товара, приходившая прежде на русскій югъ черезъ еврейскихъ комиссіонеровъ-бушцовъ, теперь осталась нетронутою, нанеся, такимъ образомъ, мальцовскому товариществу убытка на 400.000 руб.

Глиняныя дудки оголо. Оттуда выльзають подземные жители совсѣмъ измазанные—лица на нихъ нѣтъ. Бываютъ дни, когда артель въ семь человекъ—пятеро внизу и двое наверху—добываетъ 200 пуд. этой вязкой массы, за которые и получаетъ пять рублей. Тогда какъ при самомъ слабомъ свѣтѣ какой-нибудь самодѣльной лампочки въ песочныхъ дудкахъ свѣтло какъ днемъ, стѣнки ея изъ слежавшейся бѣлой массы искрятся какъ слеза, въ глиняныхъ темнѣе, чѣмъ въ рудничныхъ шахтахъ. Самая работа далеко не такъ легка, какъ съ пескомъ. Приходится забивать вѣнья, дѣлать засѣки, бить ихъ чугуною балдой, пока, наконецъ, комъ жирной и вязкой глины отколется. И сырѣ здѣсь ужасно. Руцѣ текутъ отовсюду. Внизу наливаются глубокія лужи.

— Колотъ страсть трудно... Сквозь просѣкомъ иной разъ не ломится. Хоть ты што...

При мнѣ вытаскивали кусокъ пудовъ въ двадцать; его пришлось отбивать со всѣхъ сторонъ, пока онъ откололся, наконецъ.

— За иной такой анафемой часъ бьешься, а все она своего характера не уступить. И наругаешься же съ ей!...

Пока эта глина мокрая, она темно-сѣрая. Высохнувъ, она свѣтлѣетъ и, по словамъ рабочихъ, дѣлается «зеленой». Подъ зеленымъ цвѣтомъ, впрочемъ, въ данномъ случаѣ нужно подразумѣвать сѣрый съ легкимъ лиловымъ оттѣнкомъ. Прислушиваясь у отверстій дудокъ, мы различали стукъ забоевъ мягкій,—видимое дѣло, кирки уходятъ въ вязкую и плотную массу. Вонь изъ одной дыры выльзало нѣсколько человекъ и растерянно смотрятъ туда.

— Что вы, братцы?—спрашиваетъ ихъ управляющій.

— Сажени три прошли.

— Ну?

— На старую дудку наткнулись, прямо въ нее,—насилу ноги унесли... Водой было совсѣмъ залило.

— Сколько же васъ было?

— Да мы въ пять огней работали. Слава Богу, всѣ живы вышли.

Тутъ не говорятъ: работаемъ вчетверомъ, впятеромъ, а въ четыре огня, въ пять огней.

Огонь—это чугунный черепокъ, налитый коноплянымъ масломъ. Черезъ край черепка виситъ фитиль.

— Духоты отъ нво страсть! Плохо, плохо, а масла семь фунтовъ пожрежь за недѣлю.

— Самъ изведеть вѣрно.

— Карасирь лучше. Въ Жиздру поѣдемъ — карасиру купимъ.

Вонъ изъ слѣдующей дудки несется грѣшная пѣсня. «Христосъ воскресъ» слышно... Хорошъ человекъ пять зашѣли подь стукъ чугунной балды. Самый подходящій стихъ для этого мрака, для этого страшнаго свѣжему человеку подземнаго царства... Особенное впечатлѣніе должна производить эта воскресная пѣсня въ подобной обстановкѣ... Воображаю, какое благоговѣйное чувство растеть теперь на душѣ у этихъ труженниковъ.

— Не случается, чтобъ обваливались глиняныя дудки?

— Никогда, потому тутъ мы крѣпи ставимъ.

На эти крѣпи имъ отводится дѣсь, который они сами должны вырубить, вывезти и поставить въ свои патриархальныя шахты.

Случается и то, что идутъ, идутъ все ниже и ниже глиняной дудкой — и вдругъ подь вязкой, черною массой глины обнажается почти безъ промежутовъ бѣлый чистый песокъ. Рабочіе очень рады этому, потому что вмѣсто труднаго и грязнаго дѣла сейчасъ же начинается легкій трудъ.

— Богъ счастье послалъ, въ чертовъ колодець привелъ! — говорятъ они.

— Почему чертовъ колодець?

— А какъ? Сколько ги будь воды сверху, какъ до неску дѣла и пропала. И песокъ сухъ, и воды нѣтъ.

— Работаютъ они при этомъ въ одну снѣгу отъ разсвѣта до зката.

— Какъ солнце за дѣсь, такъ и шабашъ! — говорятъ они. — А днью и ночью — ни почемъ, потому у насъ плата сколько кто выработаетъ, — ну, и стараемся. Теперь — то спишь въ сласть, а днью ночью тутъ же въ дудкѣ иной разъ прикурнешь въ уголь за глину, заснешь, а товариць ужъ и будить, — вставай-де, забивай забойки... Ночь не поработаешь, анъ и ѣсть нечего. Случается, глину-то выбиваешь, выбиваешь, да на уголь и ватнешься. Не равно бываетъ.

Каменный уголь, дѣйствительно, кое-гдѣ промель здѣсь провалками сѣвозъ глину. Во времена оны была здѣсь превосходная розовая глина, — всю выработали. Налали на гнѣздо и опустошили его, а теперь новаго найти не могутъ.

— Вся деревня кормилась ею, розовой-то... Сколько мы денег за нее перебрали... Двѣ десятины, поди, выработали, все на Дядьковскую гуту ушло. А теперь нѣтъ, нигдѣ нѣтъ. Ужъ мы какъ искали...

Замѣчательно красивый, сильный и рослый народъ въ этой мѣстности. Точно совсѣмъ въ иной край попалъ. Сбютъ хлѣбъ, жнутъ, всѣми вообще полевыми работами завѣдуютъ бабы, а мужчины исключительно въ каменщикахъ или по дудкамъ работаютъ.

Здѣшніе крестьяне удивительно быстро работаютъ дудки. Табовую аршинъ въ девять высоты двое рабочихъ оканчиваютъ въ два дня. Роется она такъ: выкопавъ отверстіе, одинъ садится въ него и, упершись колѣнами въ одну стѣну, спиною въ другую, совсѣмъ маленькою лопаткой вырываетъ изъ-подъ себя землю. Другой въ это время воротомъ выволакиваетъ наружу землю и бросаетъ ее вокругъ отверстія дудки. Внизу, въ дудкѣ, когда она уже готова, рабочіе точно также возятся въ штольняхъ, не бывающихъ выше трехъ четвертей аршина. Они ползаютъ на колѣняхъ, скрючившись и чувствуя, что спина упирается въ землю, тысячами, десятками тысячъ пудовъ нависшую надъ ними. Такой трудъ иногда продолжается часовъ по двѣнадцати. Поэтому нѣкоторые, привыкшіе съ дѣтства рыться въ подобныхъ дудкахъ, являются крайне малорослыми и сгорбленными. Будяне, разрабатывающіе песочныя дудки, сложились совсѣмъ иначе. Тутъ уже они роютъ стоя. Крѣпи ставятся сплошь. Потолокъ устраивается изъ горбылей. Песокъ разрабатывается сверху гребнями, надъ собою, потому что онъ легко сыплется, а руда, напротивъ, снизу, — вбиваютъ подбойки и потомъ отгалываютъ. Когда песокъ оказывается слишкомъ твердъ, его отбиваютъ желѣзными лопатами. Работа здѣсь веселая, потому что, какъ выше мы уже говорили, достаточно одной лампочки, чтобы вся эта бѣлая подземная пещера засвѣтилась или какъ снѣжная масса, или какъ золотистый гротъ. Жаль только, что самодѣльные лампочки-черенки даютъ слишкомъ много копоти.

Вся эта мѣстность кругомъ чрезвычайно богата желѣзомъ вообще. Даже у сосѣдей, какъ, напримѣръ, у Лабунскаго, лѣсъ растетъ на желѣзѣ. Владѣлецъ хочетъ поставить домну прямо въ лѣсу. У него тамъ есть мачтовые деревья, которые онъ продаетъ, а мелкую поросль сожжетъ въ домнѣ. Сбытъ для чугуновой болванки чудесный на мальцовскихъ заводахъ. Сверхъ того отличный славной путь представляетъ здѣсь р. Жиздра. Весною

она разливается. При насъ она была еще только на четыре сажени ширины и по ней почти сплошь ползли плоты. Вообще, по нашему мнѣнью, этотъ край ждетъ блестящая будущность. Тутъ, напримѣръ, должна быть непременно нефть, потому что запахъ ея ощутительно слышенъ изъ шахтъ. Массы лигнита тоже пахнутъ ею. Прежде въ Устахъ Мальцовъ изъ лигнита добывалъ петролеумъ.

XVI. Сукремень.

По боковой вѣтви узкоколейной желѣзной дороги мы быстро добѣжали до Сукременя, села съ чугунно-плавильнымъ, литейнымъ и проволочнымъ заводами. Былъ праздникъ. Весь народъ оказывался въ церкви, куда отправился и старикъ Мальцовъ съ своими пѣвчими. Не большой, но чистенькій и красивый храмъ построенъ надъ обрывомъ въ Болву. Отсюда чудный видъ на окрестности. Сукремень вообще славится красотой далей, открывавшихся на югъ и на западъ. Вотъ, напримѣръ, изъ церкви виденъ затонъ р. Болвы. Далеко, далеко стелется водяная гладь, обставленная лѣсистыми мысами, лѣсистыми берегами, точно облеза, которымъ не хочется разставаться съ землей, приклонились къ самой водѣ. Деревья кое-гдѣ еще въ голубомъ зеркалѣ разлива. Далеко, далеко изъ-за роцъ, полузатопленныхъ водой, среди проливовъ и плесовъ, видна красивая церковь Кургана, гдѣ работаетъ проволочный заводъ. Налѣво мерещатся деревни; ихъ уже и не разглядишь... Вонъ на концѣ лѣса, далеко вдвинувшись въ воду, небольшой заводъ, точно замокъ какой-то, смотрится въ разливы... Спокойствие во всемъ удивительное. Какъ-то лучше дышется здѣсь.

Съ людиновской дороги этотъ заводъ, громадою поднимающійся надъ озеромъ, кажется какимъ-то стариннымъ, мрачнымъ аббатствомъ. Весь онъ рѣзко обрисовывается на голубомъ фонѣ безоблачнаго сегодня неба. Вонъ даже что-то похожее на четырехъ-угольную башню. Стѣны его покрыты темными отъ ржавчины желѣзными листами. Дома вдали кажутся жалкими и микроскопическими передъ этою готическою массой. Лѣстницами и переходами мы поднимаемся на вершину чугунно-плавильнаго аббатства и останавливаемся невольно: такая чудная даль, такая красивая окрестности разомъ открываются отсюда... Громадное озеро стелется у самыхъ ногъ, уходя впередъ туда, куда и глазъ не хватить. Красиво извивается Болва, точно ей не хочется раз-

статься съ этими лугами, полями и рощами. Вонъ на берегу озера за нѣсколько верстъ отчетливо видно Людиново, точно оно все сбѣжалось въ бучку къ водѣ. Рисуются оттуда трубы и мрачныя зданія заводовъ, бѣлыя слободы. Налѣво чистенькій, хорошо обстроенный Сузрѣмень тоже жметя къ озеру. Направо въ непроглядную даль уходитъ лѣсное царство; безконечная полоса зеленыхъ вершинъ, отдаляющихся одна отъ другой, здѣсь и тамъ сливается въ одно общее марево... Все это затоплено солнечнымъ свѣтомъ, охвачено голубымъ весеннимъ небомъ. Вездѣ ярло-красное, спокойное очертаніе. Взглядъ скользитъ, не встрѣчая преграды...

Толщина стѣнъ этого аббатства-завода удивительна, — до шести аршинъ доходить она. Видимое дѣло, строено оно въ старое доброе время, когда и трудъ былъ дешевъ, и матеріалы стоили грошъ. Мы проходили мимо массивныхъ сооружений, колоссальныхъ трубъ, крѣпостныхъ стѣнъ; чудились какіе-то огненные траверсы; направо и налѣво хотѣлось видѣть закопчелыя средневѣковыя валы, къ которымъ такъ идетъ блуждающій свѣтъ факеловъ, гдѣ ухо и теперь какъ будто слышитъ звонъ желѣзныхъ латъ и стальныхъ шлемовъ, стукъ мечей и бряцаніе кольчугъ. Въ массивныхъ кирпичныхъ кладкахъ сѣромнаго завода чудились каменные мѣшки. Казалось, что тамъ, по таинственнымъ ходамъ, можно выйти въ далабія башни...

Тутъ двѣ домны: одна—старая, громадная, какъ настоящая башня средневѣковаго замка и такая же мрачная, другая—новой системы, строящаяся на чугунныхъ столбахъ. Старая оставлена и открыта. Мы заглянули въ нее сверху, точно на дно черной пропасти. Тамъ ничего не различалъ взглядъ, только ухо слышало стукъ молотковъ. Вѣрно на днѣ ея работали люди. Внизу все завалено желтыми массами руды, вязкой и богатой вехрой. Рядомъ строится новая домна системы Уисвалля. Одинъ аппаратъ ея долженъ обойтись заводанъ въ 18.000 руб. Чугунныя ноги для нея уже поставлены, даже выведено громадное кирпичное брѣхо, которое должно будетъ переваривать десятки, сотни тысячъ пудовъ руды и камня. Тѣмъ не менѣе старая домна, рядомъ, кажется гораздо внушительнѣе, съ отверстіемъ печи, похожимъ на ворота, съ какими-то ходами и норами, пронизавшими ея толщину. Старая домна была въ свое время тоже закрытой сверху. Аппаратъ для этой усовершенствованъ Мальцовымъ и давно уже, чуть ли не передъ Севастополемъ еще,

прѣзжавшіе сюда иностранцы инженеры удивлялись сбереженію труда и заботливости о здоровьѣ рабочаго, выразившимся въ этомъ. Тогда еще за границею считалось сентиментальностью думать объ огражденіи доменнаго плавильника отъ жара во всю свою каменную часть пылающей домы. Во времена оны на дому посылали работать за наказаніе. Потомъ со всѣми этии приспособленіями дѣло значительно облегчилось. Не знаю, какъ ему, а мнѣ показали всѣ эти приспособленія, построены, вся эта громада аппаратовъ—каменною и желѣзною лѣтписью, исторіей громаднаго, положеннаго сюда, народнаго труда. Въ здѣшней домы былъ придуманъ, аппаратъ, чтобъ утилизировать мятый, т. е. уже поработавшій, паръ. Его пропускаютъ въ громадные цилиндры и потомъ пользуются его силой давленія. Когда это было задумано и приступили къ постройкѣ, инженеръ Фужеръ, завѣдывавшій здѣсь дѣломъ, сталъ протестовать.

— Изъ этого ничего не выйдетъ!

Ему доказывали, что должно выйти. Онъ стоялъ на своемъ и наконецъ рѣшилъ, что работать не станетъ. Окончили безъ него. Попробовали—дѣйствуетъ чудесно. Фужеръ былъ совсѣмъ несчастливъ.

— Вы больше инженеръ, чѣмъ я!—обратился онъ, въ видѣ извиненія, къ Мальцову.

На здѣшнемъ заводѣ въ недѣлю готовятъ 3.000 пуд. чугуна въ издѣлкахъ и въ болванкахъ. Отливкою различныхъ вещей занято 160 мастеровъ съ 210 вспомогательными поденщиками. Кроме того, въ Сузренени есть довольно обширный слесарни, большой заводъ, гдѣ готовится 25.000 штукъ кирпича и лавы, крупной, аршинъ въ діаметръ, для той же домы. На кирпичномъ дѣлѣ занято немного народу. За тысячу штукъ уплачивается подрядчику 6 руб. 50 к., а тотъ уже, въ свою очередь, рассчитывается съ своими.

XVII. Сергіево-Радица.

Сергіево-Радица лежитъ въ самомъ началѣ мальцовскихъ владѣній. Она начинается у Мальцовской платформы, съ которой начинаются крутыя кровли и многочисленныя зданія этого завода. Изъ Сергіево-Радицы я отправился туда вмѣстѣ съ главнымъ инженеромъ здѣшняго, г. Бассонемъ, изъ Ганновера, гдѣ инженерами хотѣли пруды. Онъ работалъ некоторое время надъ постройкою паровозовъ въ Пруссіи и въ Россію приглашенъ быть ли не

Полетиною и Съмянниковымъ. Потомъ морское министерство заключило съ нимъ контрактъ на сооруженіе кораблей и, между прочимъ, поручило ему воздвигнуть трехбашенную нелбность «Мининъ». Разсмотрѣвъ рисунки и чертежи, Бассонъ сталъ доказывать, что корабль такого рода никуда не годится.

— Онъ слишкомъ легокъ, перевернется съ своими тремя башнями.

— Стройте, не ваше дѣло.

— Не хочу я строить глупостей!—уперся Бассонъ.

Ему сейчасъ—контрактъ, по которому онъ обязался дѣйствовать по указанію министерства.

— Англичане — лучшіе моряки, чѣмъ нѣмцы. Знаменитый Ридъ одобрилъ проектъ!—изрекло высокопоставленное въ морскомъ дѣлѣ того времени лицо.

Бассонъ, скрѣпя сердце, принялся за дѣло. Когда онъ его уже почти оканчивалъ, то же лицо является на доки.

— Вы правы!

— Что такое?

— Такой же англійскій пароходъ «Бритенъ» перевернуло съ четырьмястами человѣкъ экипажа.

— Поздравляю васъ!

— Нельзя ли поправить «Минина», перестроить его по другому типу?

— Вѣтъ, я уже оканчиваю и вы мнѣ заплатите все, что мнѣ слѣдуетъ по контракту.

И заплатили. Потомъ Бассонъ искалъ руду въ Орловской губерніи, но, по его словамъ, былъ чуть не разоренъ русскими рабочими. Сегодня приходили въ нему партіи ихъ по 80 коп. за день, завтра требовали рубль, и такъ все шло дальше и дальше. Не выдержавъ, Бассонъ отправился въ Германію и привезъ съ собою 250 семей тевтоновъ. Этимъ не повезло: на первыхъ же порахъ 80 изъ нихъ вымерли отъ скорбута, остальные перепугались и онъ долженъ былъ ихъ отослать обратно въ край сосисекъ и пива. Потомъ онъ еще брался за разныя предпріятія, но ему не повезло и онъ совсѣмъ разорился. Мальцовъ его спасъ отъ окончательной гибели, и Бассонъ теперь является здѣсь главнымъ инженеромъ, если можетъ быть таковой при самомъ владѣльцѣ, безъ котораго ничего здѣсь не дѣлается.

Сергіево-Радичіе заводы возникли не особенно давно.

Бывшій министръ путей сообщенія Мельниковъ нашелъ, что для Россіи величайшій позоръ покупать паровозы за границей, и хотѣлъ во что бы то ни стало развить ихъ постройку у себя дома. Съ 1866 года правительство стало вызывать отечественныхъ желѣзно-заводчиковъ, предлагая имъ принять на себя это новое дѣло, а Мельниковъ обратился къ Мальцову, объяснивъ, что на него одного онъ возлагаетъ свои надежды, причемъ, разумеется, обѣщалъ всяческія пособія и постоянные заказы. Первымъ рѣшился приняться за новую отрасль машино-строенія Мальцовъ. Насколько оно было трудно, доказывается тѣмъ, что послѣдовавшіе его примѣру петербургскіе заводчики Макферсонъ и Бутыловъ, принявъ правительственный заказъ и задаточныя деньги, отказались совсѣмъ отъ сооруженія паровозовъ; третій же, Палетика, передалъ свой заводъ Невскому товариществу. Это, истративъ на дѣло весь свой капиталъ, получило разрѣшеніе на второй выпускъ паевъ. Оно могло существовать только благодаря дѣльцѣйшей специальной помощи правительства и участію главныхъ желѣзно-дорожныхъ концессионеровъ.

Внутри Россіи пришлось одолѣвать еще большія затрудненія. Тутъ нужно было болѣе труда, потребовались сравнительно крупнѣйшія затраты. Мальцовъ выстроилъ заводы, приспособилъ къ нимъ народъ, истративъ на это болѣе 2.000.000 руб. Приходилось къ ближайшей желѣзной дорогѣ проводить особенное шоссе, обратить р. Болву въ судоходную, сооружать на ней шлюзы, чтобы сдѣланные локомотивы доставить на мѣсто, гдѣ его могло принять правительство. Разумѣется, всѣ эти громадныя расходы только и могли быть сдѣланы въ виду положительнаго увѣренія правительства поддерживать заказами и пособіями паровозное дѣло. Производство закипѣло. Тысячи народа занялись имъ въ мѣстныхъ мастерскихъ. Результатъ на первыхъ же порахъ оказался серьезный и локомотивы, вышедшіе отсюда, были настолько хороши, что инженеры не хотѣли брать ихъ, потому что, выдерживая тройной срокъ ремонта, они были имъ невыгодны. Не на чемъ выгрѣвать рукъ, видите ли...

Сооруженіе паровозовъ обѣщало привиться и сдѣлаться чисто русскимъ промысломъ, устраняющимъ всякую возможность иностранной конкуренціи.

Но въ это время совершилась внезапная перемѣна декорацій.

Мельниковъ былъ замѣненъ графомъ В. А. Бобринскимъ, въ первое же время своего управленія усвоившимъ мысль: «Нѣтъ

никакой нужды заказывать паровозы въ Россіи... Россіи невыгодно развивать механическое производство... Будемъ брать ихъ изъ-за границы».

Заказы вдругъ были прекращены, весь оборотный капиталъ здѣшнихъ заводовъ, пущенный на это дѣло, лопнулъ, и мастеровые, учившіеся на постройкѣ первыхъ пятидесяти локомотивовъ, оказались выброшенными за бортъ.

Железнодорожники тотчасъ воспользовались такимъ положеніемъ и рѣшились къ цѣлой системѣ прижимокъ. Требования являлись, во цѣны предлагались самыя убыточныя. Сверхъ того, многие, какъ, на примѣръ, Моршанско - Сызранская желѣзная дорога, принявъ паровозовъ на 500.000 руб., не уплатили за нихъ денегъ, поставивъ заводы въ совсѣмъ уже критическое положеніе.

Въ эту критическую минуту министромъ путей сообщенія является уже другой Бобринскій (А. П.). Этотъ ударился въ противоположную крайность.

Явилось неожиданное распоряженіе строить для казны подвижной составъ, не допуская при сооруженіи паровозовъ и вагоновъ ни малѣйшей частицы матеріаловъ иностраннаго происхожденія. Это потребовало тяжкихъ усилій и новыхъ расходовъ. Пришлось ввести новыя металлургическія производства для постройки 1.600 вагоновъ и около 350 паровозовъ. За употребленіе какаго бы ни было куска заграничнаго металла заводы подвергались всякій разъ штрафу въ 9.000 рублей. Явились конкуренты, которые, нужно сказать правду, имѣя въ виду свое не настолько солидное предпріятіе и возможность обойти законъ частными сдѣлками съ приемщиками, къ чему послѣдніе всегда обнаруживали болѣе иной анкетитъ, пошли на всѣ условія, заключили самыя невозможныя контракты. Мало-малыски уважающій себя предприниматель не могъ пуститься на подобное дѣло ни подъ какимъ видомъ. И вотъ пришлось вести дѣло на основаніи такихъ невыгодныхъ контрактовъ, въ условіяхъ какъ будто созданныхъ для краха.

Дѣло и повелось. Желѣзныя дороги въ данномъ случаѣ явились къ услугамъ враговъ русскаго паровознаго дѣла.

За границей инженерамъ заказывать было гораздо выгоднѣе: ставъ цѣны какія хочешь и входи въ сдѣлки съ строителями, которымъ вѣтъ никакаго дѣла до интересовъ акціонеровъ и казны. Началась придирки и привязки. Донецкая дорога, на примѣръ, настоятельно навязала постройку неудобныхъ и непрочныхъ па-

ровозовъ по типу Шварцкопфа. Когда была доказана негодность этого типа, отвѣтственность пала не на заказчиковъ, а на исполнителей, игравшихъ только исполнительную роль. Тутъ нѣтъ мѣста приводить въ подробностяхъ всю эту эпопею желѣзнодорожныхъ гадостей и подвоховъ. Въ исторіи злоключеній русскихъ производителей она заняла бы не послѣднюю страницу...

Тѣмъ не менѣе паровозы строились и приемники выдавали свидѣтельства, что они сооружены превосходно. Передо мною цѣлый рядъ такихъ аттестатовъ, по которымъ можно было бы думать, что заказы должны расти колоссально. Они и росли, но... только не здѣсь, а за границей. Для русскаго производства заказы мало-по-малу пребращались и прекращались. Народъ оставался мало-по-малу безъ работы, мастерскія безлюдны.

Тотъ же красивый лакей встрѣтилъ насъ въ Сергіевѣ. Передѣвшись съ дороги, мы отправились на заводъ.

Сергіево-Радицкій заводъ на половину уже оставленъ.

Тяжелое впечатлѣніе производить эти остановившіяся машины, закрытыя мастерскія, молчаливые станки, еще нѣсколько лѣтъ назадъ наполнявшіе окрестности такою музыкой неустаннаго труда, о которой мы уже не разъ говорили. Мы безмолвно проходили по этимъ пустыннымъ сараямъ и корпусамъ, въ которые только солнце проникаетъ теперь своими лучами. Тишина царитъ здѣсь и невольно задаешься вопросомъ: гдѣ тѣ руки, которыя еще недавно приводили все это въ движеніе, гдѣ ихъ семьи? Нашли ли они себѣ работу или голодаютъ?

— Вонъ наши клепальные отдѣленія! — показываютъ мнѣ.

Посмотрѣлъ. Громадные корпуса. Тамъ собирались вагоны, тамъ падали паровики. Теперь все это мрачно, ни одного рабочаго, ни одного удара молота; только мухи жуужать да пауки по угламъ плѣтутъ свои сѣти. Кузница. Цѣлая улица горновъ и только въ трехъ изъ нихъ горитъ огонь и около свещутъ нѣхи, точно требуя воздуха, воздуха... Все остальное погасло. Печи холодны; зола, груды лежащая въ нихъ, кажется намъ прахомъ мертваго труда. Подростки кое-гдѣ тоскливо возятся угорна... Вонъ въ домѣ стучитъ паровой молотъ, отбивая концы болтовъ и желѣзныхъ полось. Прежде бы грохотъ этотъ затерялся въ цѣлой стихіи другихъ, не менѣе могучихъ, звуковъ; теперь онъ одинъ просится съ конца въ конецъ этого сарая, точно вырвавшая по вѣснѣмъ угламъ его: «Эй, братцы, живъ ли еще кто?»

Но, увы, такіе же молоты молчать, молчать приводы отъ по-
жароуѣвшаго паровика, сердце не бьется, по жиламъ не разго-
вется паръ; кровь заводскаго организма и организмъ самый ка-
жутся какою-то окаменѣлостью. Я долго смотрѣлъ на этотъ оди-
нкій молотъ. Точно ротъ у голоднаго, онъ подымался и опу-
скался на желѣзный пруть, поставленный ему, каждый разъ
отпусывая кусокъ за кускомъ. Когда, наконецъ, уже пищи ему
не стало, онъ долго еще продолжалъ зѣвать. Наконецъ, какой-
то мальчонко будто сжалился, побѣждавъ къ нему съ бол-
товней. И весело заработалъ ножъ-паровикъ!... А вотъ другой па-
ровой молотъ. Онъ уже умеръ голодною смертью, сжалъ свои
челюсти и не раскрываетъ ихъ больше. А дальше еще и еще
ряды такихъ же.

Та же исторія и въ слесарной.

Сотни станковъ молчать, точно ожидая, кто вдохнетъ въ нихъ
душу живу и заставить бойко, лихорадочно забиться эти пульсы
угасшаго организма. Колеса станковъ покрылись пылью, грязь
и соръ кучами валяются внизу, точно всѣ эти желѣзные опилки
еще вчера сыпались изъ-подъ громко работавшаго аппарата.

— А давно ли все это гремѣло!—замѣчаетъ Гушинъ, про-
ходя мимо.—Такая ли музыка здѣсь была...

Слесарни были устроены для производства паровозныхъ ко-
лесъ. Прекратились заказы паровозовъ—и станки остановились.

— Скучно... Прежде у насъ такое тутъ дѣло кипѣло... ве-
селое, что одного народу кормилось! Теперь всѣ станки примерли.

За то вонъ изъ того корпуса несетя шумъ невообразимый.
Я направился туда. Чѣмъ ближе, тѣмъ оглушительнѣе.

— Что у васъ тутъ такое?

— Паркетная фабрика.

Ее устроили, чтобы не пропадали станки для вагоновъ и
дерево, для нихъ заготовленное. Тутъ же дѣлаются и дере-
вянныя части земледѣльческихъ орудій. Въ первомъ отдѣленіи—
распилка досокъ; подъ вертикальнымъ стальнымъ колесомъ-
пилою, съ головобружительною быстротой вращающейся, жалоб-
но стонетъ и громко взвизгиваетъ дерево, въ здоровое, крѣпкое
и сочное тѣло котораго въѣдается эта безпощадная сталь. Къ
какимъ различнымъ впечатлѣніямъ можно придти, созерцая по-
добные механизмы! Въ Питерѣ одинъ изъ китайцевъ посольства
осматривалъ такой же заводъ, остановился передъ паровою круг-
лою пилой и долго любовался ею.

— У насъ за большія преступленія существуетъ казнь — распилывать человѣка... только ручною пилой. Слѣдовало бы признать эту... Гораздо было бы гуманнѣе.

Человѣколюбивый китаецъ къ иному выводу и придти не могъ здѣсь.

А дерево положительно жалуется и стонеть. Его распиливаютъ на три части, потомъ обрѣзають на куски для паркета. Дышатъ смолистымъ дыханіемъ лѣса. На нѣкоторыхъ доскахъ выступаютъ янтарныя капли холоднаго пота, точно имъ страшно въ свиданіи этой гуманной китайской казни. Вотъ уже готовые шпалы-буски обтачиваютъ и обравниваютъ подъ паровыми ножницами, полируютъ ихъ. Цѣлыя массы стружекъ и древесной пыли поднимаются въ воздухѣ, стонъ стоитъ надъ этими работами; дерево, поддаваясь ножу, только вздрагиваетъ каждымъ своимъ атомомъ. Вы слышите эту дрожь и невольно одухотворяете безжизненные куски сосны и дуба...

Вотъ второе отдѣленіе.

Тутъ громадныя скелеты молотилокъ англійскихъ, Рустона, Калланда. Цѣлыми рядами стоятъ онѣ, точно остовы замѣчательныхъ мертвецовъ въ анатомическомъ театрѣ.

— У насъ есть заказъ еще штукъ на пятьдесятъ! — сообщаетъ мнѣ Бассонъ, обходя этотъ неподвижный фронтъ.

Некоторые механизмы съ открытымъ нутромъ. Наружу торчатъ желѣзные, стальные и деревянные петроха. Вонъ уже сожженная, ярко выкрашенная, совсѣмъ съ иглочки молотилка. Тутъ же, около, и локомобиль для того, чтобы на пробѣ привести ее въ движеніе.

— Эту, мы на дняхъ въ Харьковъ отправимъ.

— Экую красавицу выстроили! — съ отеческимъ чувствомъ показываетъ ее ладонью рабочій.

И локомобиль новенькій, то же разрядившійся въ яркіе цвѣта. Боеватливый, весь съ иглочки, лихо заломившій назадъ трубу, очиненный деревенскій франтъ, ловко вскинувшій свой картузь. Вотъ и круторушка. Стали ее пробовать — загрохотала, зашумѣла и стала слезывать ненужную ей шелуху, сбрасывая просо съ шумомъ на грохотъ, пока совсѣмъ чистое не распредѣлилось по разнымъ отдѣленіямъ этого не сложнаго, но очень остроумнаго механизма. Стали потомъ пробовать молотилку. Бабы стали успѣвали подавать снопы соломы съ зерномъ. Запыхтѣлъ и заворчалъ локомобиль. Цѣлая туча соломенной пыли подня-

лись въ воздухъ, точно это чудовище нарочно хотѣло окружить себя непроходимымъ облакомъ. Работа шла съ страшною быстротой.

— Ишь, здорово она эту самую солому жретъ!—замѣчаетъ рабочій.

Чистое зерно живо ссыпается въ три или четыре отдѣленія, таме сортируясь само собою.

Вотъ и плуги, цѣлая масса ихъ и все различныхъ системъ. Нежно я, какъ ихъ пробовали въ Бранивенскомъ хуторѣ. Восемь валовъ тянули одинъ. Глубоко взрѣзывались въ материнскую грудь земли его острые зубья. Паръ шелъ изъ развороченныхъ слоевъ весенней свѣжей почвы. Точно тяжело дышется ей, точно кровь ея испаряется въ холодный воздухъ изъ безжалостно прорѣзанныхъ бороздъ...

— Ой вы, воли-волики!— замѣчаетъ рабочій.

Добродушные волы медленно идутъ, вытягивая головы.

— Звѣрь согласный!—одобряетъ сѣрый армякъ рядомъ.

— Нѣшто волъ—звѣрь? Волки—звѣри, ведмѣдь—звѣрь, а волъ—слуга тебѣ, а не звѣрь!—обижается погонщикъ на легкокрыленнаго соседа.

Длинные, красные и зеленые, лафеты на двухъ болесахъ, тоже вострые и красивые.

— Это что у васъ?

— Сѣялки. Внутри лафета валь, разсѣивающій зерна. Тутъ же мелкія бороны, плуги и вѣялки.

Выходи отсюда, мы наталкиваемся прямо на изумительно живаго старика, юркаго, бойкаго, съ воспаленными слезящимися глазами и такою массою морщинъ на лицѣ, что издали его можно принять за ситуацию пересѣченной мѣстности, а никакъ не за благороднѣйшее украшеніе человѣческаго организма.

— Мсье Бланшаръ!—привѣтствуетъ его Бассонъ.

— *Imaginez vous!*—оретъ тотъ еще издали.—*J'ai perdu mes cheveux!*—И онъ съ выраженіемъ ужаса поднимаетъ свой болначокъ. Голый черепъ является достойнымъ увѣнчаніемъ этого зданія.—Гдѣ мои волосы, гдѣ мои волосы!—привязался онъ къ Бассону, точно тотъ виновникъ этого внезапнаго опустошенія.

— Отъ любви, вѣрно?—замѣчаетъ Бассонъ, хотя Бланшару мало-мало семьдесятъ лѣтъ.

— Нѣтъ, отъ лихорадки... Заболѣлъ маляріей весной и, вотъ, все вылѣзло!—И онъ еще приподнял болначокъ, точно Бассонъ сразу не могъ убититься въ этомъ присборбномъ фактѣ.

— Онъ теперь похожъ на совсѣмъ облызую крысу, — замѣчаетъ Бассонъ тихо, обращаясь ко мнѣ.

Бланшаръ лихо заломилъ колпачокъ какъ-то на бѣспрель, заложилъ заливчатски руки въ карманы широкихъ штановъ и зашвысталъ что-то.

— Экій вы еще молодецъ! Вамъ бы жениться надо.

— Parfaitement, monsieur Basson, parfaitement!

Въ слѣдующемъ отдѣленіи окончателн.я отдѣлка паркета. Обравненный на нѣсколькихъ колесахъ, каждый кусокъ дерева сблеивается съ другими такими же, составляя многоугольникъ, который тоже, въ свою очередь, обравняется и срѣзывается колесомъ по желѣзной формѣ. Только послѣ этого его помещаютъ въ раму. Рама идетъ подъ громадную машину; та, визжа и шипя, точно отъ злости, сдиретъ съ верхней плоскости паркета неровности. Съ силою разлетается кругомъ туча опилокъ и древесной пыли. Дерево положительно пицить, какъ мышь въ логтахъ у кошки. Изъ-подъ этого аппарата рама идетъ подъ другой такой же, въ подобную первой мѣрку, и, только испытавъ десять казней египетскихъ, паркетъ, наконецъ, отправляется къ заказчикамъ въ Биевъ, Одессу, Смоленскъ, Орелъ, Харьковъ, Москву, Динабургъ и Витебскъ. Здѣсь тоже меньше стало народу, чѣмъ было прежде. Большинство разошлось по другимъ своимъ заводамъ, а меньшая часть нашла заработокъ у Тинишева и Губонина.

Отсюда мы попали на площадь, заставленную вагонами и паровиками. Они приготовлены по заказу правительства, которое приняло ихъ, и до сихъ поръ держатся здѣсь — цѣлые годы, причѣмъ ремонтъ и забота вся на обязанности завода.

— Тутъ ихъ караулить приходится, да и другихъ расходовъ масса. Чуть царапина — бѣда. Вагоны подъ солнцемъ нагрѣваются, потрескаться могутъ, краска вспузырится, а про все мы въ отвѣтъ.

Громадные локомотивы кажутся заснувшими тутъ же. Бланшаръ кричитъ и суетится вокругъ, низко опустивъ вѣки и не открывая здѣсь своихъ красныхъ выпученныхъ глазъ. Вонъ подъ навѣсами паровозы еще собирающіеся. Нѣкоторые съ приспособленіями, придуманными тутъ на мѣстѣ. Вообще, рѣдная машина на здѣшнихъ заводахъ дѣлается безъ измѣненій, по тому образцу, какъ я имѣлся въ виду первоначально. Напротивъ, всюду вводятся усовершенствованія, упрощенія. Еслибы перечислить

ны изобрѣтенія, совершенныя на этихъ заводахъ, то это была бы чѣлая лѣтонисъ техническаго прогресса.

Во всемъ прочимъ несчастіямъ, пережитымъ Сергіево-Радичевымъ заводомъ, въ этомъ году пришло и наводненіе.

Болва разлилась необычайно. Воды ея прорвали дамбы, свесли прочь болѣе легкія постройки, подмыли остальные. Вонъ, капризѣрь, громадный складъ превосходнаго лѣсу; вода его сильно было затопила. Дубовыя бревна, каждый футъ которыхъ стоитъ по рублю, до сихъ поръ еще мокнутъ. Бланшаръ, злобствуя, грозитъ кулакомъ на Болву, а она, спокойная и красивая, течетъ себѣ внизъ въ зеленыхъ заросляхъ, отражая въ своихъ, какъ будто неподвижныхъ, плесахъ голубое небо.

— Что это вы?—спрашиваю я у француза.

— Какъ же, убытки... Вѣдь этотъ деревъ совсѣмъ пропалъ.

На дворахъ кучи досокъ, жердей, обломковъ. Ихъ несло, несло водою да и забило по угламъ безобразными верохами. Массы перержавѣвшаго желѣза тоже тутъ перепутались съ деревяннымъ матеріаломъ. Долго не разобрать. Иной разъ изъ вероха досокъ торчатъ какія-то рыжія полосы чугуна. Въ чѣлой горѣ желѣзныхъ обломковъ застряли концами дубовыя бревна. Наводненіе было таково, что отъ завода къ заводу ѣздили на лошадяхъ и на лодкахъ же плавали въ мастерскія. На Болвѣ строились суда; ихъ водонепельемъ разнесло въ разныя стороны. Совсѣмъ нѣкоторые не на свое мѣсто стали. Вонъ подъ навѣсомъ, гдѣ слѣдуетъ быть локомотиву, торчатъ голыя, точно чѣмъ-то обведенныя, ребра рѣчнаго судна. Одно забило между вагонами и едва-едва вытащили его оттуда. Въ подвалахъ вездѣ вода стояла по-долгу. Паровую машину испортило и теперь кирпичный остовъ ея стоитъ холодный, безъ топки и безъ дѣла. Пока еще поправлять... А такихъ поправокъ будетъ много, очень много. Вонъ чѣлая гурьба бабъ-поденницъ разбираютъ кучи разбитыхъ чугунныхъ котловъ, горшковъ, печей, заслонокъ и всякой металлической мелочи.

— Сколько добра-то испортило!—замѣчаетъ одна.

Бланшаръ какъ увидѣлъ ихъ, такъ еще болѣе лихо заломилъ на бокренъ свой колпакъ и пѣтушкомъ, пѣтушкомъ завозился около. Тѣ раехохотались.

— Эка лысый чортъ! Ишь у яво ноги-то забираютъ.

У Болвы и барки. Рабочіе собрались на нихъ и съ часу на часъ ждутъ отплатія внизъ въ Десну, а оттуда въ Днѣпръ. Все уже погружено.

Дамба была залита. Вонъ небольшой домикъ-изба. Брехотная стеклянная галлерейка смотритъ на воду. Отсюда чудный видъ на Болву, которая кое-гдѣ вся уходитъ въ красивыя, свѣжія рощи. Озерами стоятъ неподвижные разливы. Нѣжная зелень полей подъ яркимъ солнцемъ кажется еще мягче и роскошнѣе. Кое-гдѣ изъ плесовъ водополюя шапками поднимаются деревья. Даль вся ушла въ лоцины, холмы и овраги. Вонъ правый горный берегъ Десны съ церквами и монастыремъ Брянска. Тутъ ужъ чувствуется близкая Малороссія. Бесплодныхъ равнинъ нѣтъ. И поросль уже болѣе роскошная, чѣмъ въ оставленныхъ позади Рославльскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ. Но и тутъ, подъ самою дамбой, вода. Опять цѣлые вороха снесеннаго сюда лѣса и желѣза. Соловей поетъ надъ разливами; иволги посвистываютъ въ пустомъ лозникѣ и точно перебалтываются межъ собой неутомныя синицы. Гдѣ-то далеко, далеко кубуетъ кубушка.

Хорошо было здѣсь, но время не ждало, — нужно отправиться далѣе.

По всему пути одно и то же: жалобы на скверное положеніе, на отсутствіе заказовъ.

Около Сергіева-Радица чугуно-плавильный заводъ. Слѣды разлива — по пути, дорогу смыло. Тысячи досокъ разнесено кругомъ водополюемъ за десятки верстъ отъ того мѣста, гдѣ были сложены штабели ихъ. На здѣшнемъ заводѣ выплавляется сто пятьюдесятью рабочими до 100.000 пудовъ чугуна. Дѣло это заведено еще 50 лѣтъ тому назадъ. Плавка производится въ вагранкѣ. Прелестное озеро. Со всѣхъ сторонъ несутся пѣсни женщинъ, промывающихъ соръ, гдѣ находятъ куски желѣза. Черезъ озеро бѣжитъ рѣчка Радица, впадающая въ Болву.

Бабы стремглавъ вбѣгаютъ въ озеро съ тачками. Земл. уносится оттудъ теченіемъ, металлъ остается. За промытое чистое желѣзо онѣ получаютъ по 4 коп. съ пуда. Въ день легко промыть такимъ образомъ отъ 10—12 пудовъ. Характеръ живости и яркости лежитъ на всемъ этомъ дѣлѣ. Нѣкоторыя ухитряются на бѣгу пѣть какую-то особенную пѣсню. Мы только и различали постоянно повторяющуюся фразу: «родись, родись желѣзо!» Мы возвращались домой вечеромъ. Сумерки окутали поля и дали. Не было видно ничего, одни голоса слышались оттуда...

КНИ. Учрежденіе Мальцовскаго промышленно-торговаго товарищества.

Все заботливость здѣсь направлена къ тому, чтобы дѣло не прекратилось, чтобы оно развивалось все шире и шире. Мальцовъ сознавалъ, что съ его смертію весь этотъ край, съ его заводами и фабриками, можетъ быть раздѣленъ, причемъ его части разобьются между собою и потеряютъ ту стройную общность дѣйствій, которая позволяетъ невыгоды промысловъ въ однихъ мѣстахъ покрывать барышами промышленныхъ предпріятій въ другихъ. Сверхъ того, ему хотѣлось призвать къ участию въ дѣлѣ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ трудился. Такимъ путемъ пріобрѣталось болѣе близкое участіе цѣлаго ряда опытныхъ людей. Задумавъ учрежденіе товарищества, Мальцовъ обратился къ Петру Александровичу Мясоѣдову, который и составилъ ему уставъ и разработалъ подробности этого предпріятія.

Вотъ что сказано въ уставѣ товарищества относительно передачи ему учредителемъ принадлежавшихъ послѣдному владельцу: «Учредитель отдаетъ на законномъ основаніи въ собственность товарищества принадлежащія ему въ Калужской, Орловской и Смоленской губерніяхъ Людиновскій механическій, чугуно-литейный и желѣзодѣлательный заводы, Ивано-Сергіевскій чугуно-литейный и желѣзодѣлательный, Песочинскій, Сукременскій, Любохновскій и Радицкій чугуно-литейные, Сергіево-Радицкій вагоно-строительный и Курганскій гвоздильный, Дядьковскую хрустальную, Иватскую, Старскую, Радицкую, Знеберскую, Шуткинскую и Перышинскую стеклянные фабрики, Песочинскую фаянсовую фабрику, Брапивенскій, Любохновскій и Епишевскій винокуренные и Любохновскій пивоваренный заводы, равно всѣ свои земли, состоящія въ означенныхъ губерніяхъ въ количествѣ болѣе 200.000 десятинъ, болшею частію подъ лѣсомъ, со всѣми находящимися тамъ рудниками, копами каменнаго угля, мельницами, маслобойнями, лѣсопильнями, банатными и кирпичедѣлательными заводами и прочими всякаго рода заводскими и промышленными заведеніями и постройками, господскими усадьбами, садами и со всемъ находящеюся въ нихъ движимостію, заводскими издѣліями, принадлежностями и матеріалами... § 3. Въ собственность товарищества поступаютъ также принадлежащія учредителю дома въ Бѣвѣ, Харьковѣ, Ригѣ, Херсонѣ, Кременчугѣ, Коропѣ и Екатеринославѣ и лавки въ Нижнемъ-Новгородѣ со всею движимостію и находящимися въ нихъ заводскими издѣліями и матеріалами, равно и заводскіе

выпускъ ихъ должны быть очищены всѣ могущіе быть на товариществѣ долги. Впослѣдствіи (§ 19), при развитіи дѣлъ товарищества, оно можетъ выпустить дополнительные пай, которые распределяются между владельцами прежнихъ паевъ. Если же послѣдніе не будутъ разобраны всѣ сполна, то оставшіеся предлагаются служащимъ въ товариществѣ лицамъ, мастерамъ, рабочимъ и т. д. за отказомъ ихъ они могутъ поступить въ публичную продажу. Уставъ параграфомъ 21 установилъ порядокъ, по которому передача паевъ допускается безусловно лишь отъ одного владельца къ другому; постороннему же лицу пай могутъ быть переданы или проданы не иначе, какъ по предварительному заявленію правленію товарищества. Правленіе извѣщаетъ о томъ прочіе владельцы паевъ, а затѣмъ служащихъ въ товариществѣ лицъ, рабочихъ, мастеровъ, и только если никто изъ нихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не пожелаетъ купить пай, то владельцы могутъ распорядиться продажей ихъ въ стороннія руки по своему усмотрѣнію.

Дѣлами товарищества завѣдуетъ правленіе, находящееся въ селѣ Дядьковѣ. Оно состоитъ изъ пяти директоровъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на три года, и двухъ кандидатовъ, замѣщающихъ куда-либо вышедшаго директора. Директоромъ или кандидатомъ можетъ быть только владеющій тридцатью паями, которые во все время службы его лежатъ въ правленіи и не могутъ быть передаваемы до утвержденія отчета за послѣдній годъ пребыванія владельцемъ паевъ директорами и кандидатами. Завѣдуетъ дѣлами товарищества директоръ-распорядитель, обязательный имѣть пятьдесятъ паевъ. Тотчасъ же по учрежденіи товарищества на этотъ постъ былъ избранъ самъ Мальцовъ, который и до сихъ поръ несетъ всѣ обязанности этого званія. Каждый два года выбываютъ два директора и одинъ кандидатъ. Операционный годъ товарищества считается съ 1-го апрѣля по 1-е апрѣля слѣдующаго года. За каждый минувшій годъ правленіе представляетъ общему собранію пайщиковъ, не позже октября, подробный отчетъ и балансъ оборотовъ со всеми принадлежащими къ нему активами и оправдательными документами; повѣрка отчетовъ и счетовъ ихъ разсмотрѣнія—какъ и въ другихъ подобныхъ же промышленныхъ обществахъ. По утвержденіи отчета, изъ чистаго дохода не менѣе десяти процентовъ отдѣляется въ запасный капиталъ и не менѣе пяти въ капиталъ благотворительныхъ суммъ, для содержанія больницъ, училищъ, для выдачи пособій и пенсій.

Остающаяся сумма составляет чистую прибыль. Если она не превышает 6% на основной капиталъ, то и обращается вся въ дивидендъ по паямъ; когда же прибыль превышает эти 6%, то излишекъ идетъ въ вознагражденіе—правленію 50%, въ награду служащимъ при товариществѣ 25%, а остальные 25% причисляются къ дивиденду по паямъ. Самъ владѣлецъ большинства пока паевъ, Мальцовъ, весь доходъ съ нихъ отдастъ тому же товариществу уже который годъ, для усиленія его дѣятельности и оборотовъ. Такіе взносы — безвозвратны. Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя: первыя—въ октябрѣ и мартѣ, а чрезвычайныя—по требованію пайщиковъ, представляющихъ десятую часть основнаго капитала, или по усмотрѣнію правленія. Въ общее собраніе пайщики являютъ или сами, или чрезъ своихъ довѣренныхъ; но довѣреннымъ лицомъ можетъ быть только тоже пайщикъ. Одно лицо не можетъ имѣть довѣренностей болѣе какъ съ двухъ лицъ. Каждые десять паевъ даютъ право на одинъ голосъ, но одинъ пайщикъ не можетъ имѣть по своимъ паямъ болѣе того числа голосовъ, на которое даетъ право владѣніе одною десятою частью всего основнаго капитала общества. Акціонеръ, имѣющіе менѣе десяти паевъ, могутъ соединять по общей довѣренности свои пай для полученія права на одинъ или болѣе голосовъ. Если пай достанутся по наслѣдству нѣсколькимъ лицамъ или же другимъ путемъ, то право участія въ общемъ собраніи предоставляется лишь одному изъ нихъ. Торговые дома имѣютъ въ общемъ собраніи не болѣе одного представителя. Общее собраніе считается состоявшимся, когда прибывшіе представляютъ треть основнаго капитала. Для рѣшенія вопросовъ о расширеніи предпріятія, объ увеличеніи или уменьшеніи основнаго капитала, объ измѣненіи устава и ликвидаціи дѣль требуется участіе владѣльцевъ трехъ четвертей общаго числа паевъ. Если собраніе не будетъ удовлетворять этимъ условіямъ, то чрезъ двѣ недѣли созывается второе, которое уже считается законно-состоявшимся. Приговоры общаго собранія считаются обязательными, когда они приняты большинствомъ трехъ четвертей голосовъ. Иначе созывается второе собраніе, гдѣ тѣ же вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Внесенныя за пай деньги остаются неприкосновенною собственностью товарищества. Въ случаѣ несостоятельности владѣльца паевъ по долгамъ казеннымъ или частнымъ, взысканіе обращается на эти пай; но участники товарищества, равно служащіе, мастеровые, рабочіе, могутъ, по § 62 устава, выкупить

интересные пай, предпочтительно передъ всѣми прочими, въ те-
чение трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія имъ о томъ. Только
мастера, рабочіе и служащіе не выкупаютъ паевъ, они мо-
гутъ быть обращаемы въ частную продажу.

Первое общее собраніе владѣльцевъ паевъ состоялось 14
марта 1875 года. Предсѣдателемъ на немъ былъ избранъ самъ
Мальцовъ, а директорами—его сотрудники по управленію дѣлами
государствъ Н. С. Сиротининъ, А. Э. Рошфоръ и П. А. Егоровъ.
Директорамъ назначено жалованья по 2.400 руб. въ годъ каж-
дому. Воображаю себѣ гримасу, которую при этой цифрѣ сдѣ-
лаютъ Зевсы нашихъ акціонерныхъ компаній, эти громовержцы
благочестия и дешевой наживы, привыкшіе въ одинъ мѣсяць
получать болѣе. По разсмотрѣніи описи оказалось, что во вла-
дѣніи товарищества поступило около 35 фабрикъ и заводовъ, съ
усадебамъ, конторскими домами, магазинами, торговыми лавками
и прочими постройками, 45 мельницъ, 12 лѣсопиленъ, угольныхъ
заводовъ въ 26 мѣстностяхъ, 12 кирпичныхъ заводовъ, 32 постоя-
лыхъ двора, 13 хуторовъ съ образцовыми фермами, и при этомъ
земель: въ Брянскомъ уѣздѣ—76.100 десятинъ, Жиздринскомъ—
35.012 дес., Мосальскомъ—2.827 десят. и Рославльскомъ—
10.395 дес. Изъ этого числа земель подъ усадьбами, огородами
и выгонами около 620 дес., подъ пашней 15.133 дес., покосовъ
обыкновенныхъ 2.307 дес., покосовъ обыкновенныхъ 2.694 десят.,
лѣсу строеваго 37.957 дес., лѣсу дровянаго 53.936 дес., лѣсу
хуторнаго 61.808 дес. и неудобныхъ мѣсть 9.921 дес.

Одну зѣсь оцѣнивается теперь почти въ 5.000.000 руб.
Долговъ въ другихъ городахъ принято восемь, наличныхъ де-
негъ около 100.000 руб. и товаровъ готовыхъ съ матеріалами
на 5.185.520 руб. Движимаго имущества при заводахъ, торгов-
ляхъ и хуторахъ, лошадей, скота, земледѣльческихъ орудій, па-
рызовъ и судовъ на рѣкахъ на 255.918 руб. Долговъ, состо-
ящихъ на разныхъ лицахъ, почти на 1.000.000 руб. и долговъ
на мастеровыхъ и рабочихъ на 500.000 руб. Въ этому нужно
прибавить, что къ товариществу перешли обширныя рудныя зале-
жи, копи каменнаго угля, стопятидесятиверстное шоссе, желѣзныя
мосты, шлюзы, телеграфы и другія мѣстныя приспособленія.

Собраніе затѣмъ постановило уступить Мальцову (?) обратно
Мальцовскій господскій домъ съ усадьбой и находящеюся въ
немъ движимостью и кромѣ того 2.000 десятинъ на выборъ.
Опредѣленное въ 1875 году въ 10.000.000 руб. все имущество

товарищества, въ 1876 г. уже дошло до 13.671.467 руб., въ 1877 г.—до 14.885.745 руб., въ 1878 г.—до 16.112.573 руб., въ 1879 г.—до 16.139.785 руб. и въ 1880 г. немного понизилось—на 16.109.357 руб. За то же самое время выработано заводами стекла:

Съ 1875—76 г.: хрусталя 3.414.408 штуки на 224.672 р., оконнаго стекла 16.104 ящика на 374.692 р., бутылокъ 529.000 на 25.500 р.

Съ 1876—77 г.: хрусталя 6.086.394 штукъ на 428.358 р., оконнаго стекла 29.950 ящик. на 687.006 р., бутылокъ 1.292.131 на 61.472 р.

Съ 1877—78 г.: хрусталя 6.538.609 штукъ на 418.353 р., оконнаго стекла 28.374 ящика и 42.048 большихъ стекольныхъ листовъ на 716.422 р., бутылокъ 1.357.255 на 66.623 р.

Съ 1878—79 г.: хрусталя 8.252.274 штуки на 569.667 р., оконнаго стекла 29.277 ящик. и 22.507 листовъ на 727.716 р., бутылокъ 1.277.640 на 65.404 р.

Съ 1879—80 г.: хрусталя 10.455.512 штукъ на 761.861р., оконнаго стекла 30.316 ящик. и 42.050 листовъ на 794.775 р., бутылокъ 1.740.935 на 95.979 р.

Въ то же самое время построено:

Съ 1875—76 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 713.738 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 502.709 р.

Съ 1876—77 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 2.611.589 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 452.242 р.

Съ 1877—78 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 3.681.126 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 290.041 р.

Съ 1878—79 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 2.095.169 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 254.411 р.

Съ 1879—80 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 1.672.398 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 305.298 р.

Въ то же самое время выработано:

Съ 1875—76 г.: посуднаго штучнаго литья на 419.539 р., желѣза и издѣлій на 136.149 р., эмалированной чугунной посуды на 54.350 р., фаянсовой посуды на 30.459 руб.

Съ 1876—77 г.: посуднаго штучнаго литья на 834.928 р., железа и издѣлій на 946.865 р., эмальированной чугунной посуды на 96.118 р., фаянсовой посуды на 60.636 руб.

Съ 1877—78 г.: посуднаго штучнаго литья на 875.068 р., железа и издѣлій на 1.472.986 р., эмальированной чугунной посуды на 122.385 р., фаянсовой посуды на 72.963 руб.

Съ 1878—79 г.: посуднаго штучнаго литья на 840.884 р., железа и издѣлій на 1.051.735 р., эмальированной чугунной посуды на 189.255 р., фаянсовой посуды на 86.466 руб.

Съ 1879—80 г.: посуднаго штучнаго литья на 1.084.360 р., железа и издѣлій на 1.214.221 р., эмальированной чугунной посуды на 204.221 р., фаянсовой посуды на 108.961 руб.

За то же самое время выкурено и приготовлено:

Съ 1875—76 г.: спирта 2.753.520% съ акцизомъ на выкурение въ продажу количества 151.338, пива и разныхъ водъ на 36.697 р.

Съ 1876—77 г.: спирта 2.198.708% съ акцизомъ на выкурение въ продажу количества 195.640, пива и разныхъ водъ на 53.307 р.

Съ 1877—78 г.: спирта 1.646.989% съ акцизомъ на выкурение въ продажу количества 157.629, пива и разныхъ водъ на 50.477 р.

Съ 1878—79 г.: спирта 1.987.236% съ акцизомъ на выкурение въ продажу количества 199.922, пива и разныхъ водъ на 45.235 р.

Съ 1879—80 г.: спирта 1.917.600% съ акцизомъ на выкурение въ продажу количества 202.064, пива и разныхъ водъ на 26.275 р.

За то же пять лѣтъ:

Съ 1875—76 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, смолы на 18.000 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 61.074 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 36.933 р.

Съ 1876—77 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, смолы на 23.309 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 78.683 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 270.052 р.

Съ 1877—78 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, смолы на 74.384 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 79.308 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 467.063 р.

Съ 1878—79 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, смолы на 78.857 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 92.573 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 410.258 р.

Съ 1879—80 г. выработано: канатовъ, веревокъ, гирича, я, сипидара на 73.043 р., на хуторахъ сельскихъ проду-
тъ на 69.754 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 497.908 р.

Болѣе мелкія статьи дохода мы не приводимъ. Въ общемъ

за первый годъ поступило 2.851.446 руб.

» второй » » 6.943.752 »

» третій » » 8.699.008 »

» четвертый » » 7.019.739 »

» пятый » » 7.436.870 »

Интересны цифры по расходамъ заводовъ на жалованье служа-
и на вознагражденіе рабочихъ.

Въ 1875 году директорамъ правленія и служащимъ въ кон-
выдано 73.738 р., рабочимъ и мастерамъ 645.262 р.

Въ 1876 году директорамъ правленія и служащимъ въ кон-
выдано 118.235 р., рабочимъ и мастерамъ 761.294 р.

Въ 1877 году директорамъ правленія и служащимъ въ кон-
выдано 108.694 р., рабочимъ и мастерамъ 1.360.237 р.

Въ 1878 году директорамъ правленія и служащимъ въ кон-
выдано 111.490 р., рабочимъ и мастерамъ 1.168.019 р.

Въ 1879 году директорамъ правленія и служащимъ въ кон-
выдано 110.959 р., рабочимъ и мастерамъ 1.227.625 р.

Къ тому, вспомогательнымъ рабочимъ ежегодно сверхъ
плачиваются значительныя суммы. Мы не можемъ при-
къ отдѣльно, потому что въ счетахъ товарищества онѣ
въ общей графѣ съ купленными матеріалами для завод-
фабричнаго производства. Такимъ образомъ на этотъ пред-
расходовано: въ 1875 г.—1.315.532 р., въ 1876 г.—
31 руб., въ 1877 г.—4.635.725 руб., въ 1878 г.—
37 руб. и въ 1879 г.—3.710.273 руб.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ.)